

обрести. Вы избирайте себе, что вамо годно, а кто не хошет битися, той останеться, а яз вдаю мя суду божию и потягну».

перед нами, но дивлюся вельми, что вижу многих печальных и прежде времени ослабевающих. Того ради надобно разсудить, что здесь нужно вооружиться крепко на брань и, положась на бога, с честью умереть или победить. Если же кому не мило битися, то лучше оному отойти и других не смущать, на что есть время. А я не могу уже со стыдом бежать, но предаюся в волю божию».

Такого рода рассуждений в тексте II редакции много; интересно отметить, что они не несут новых сведений. Речи князей — это нравоучительные тирады, и распространения такого рода во II редакции могут быть аргументом в пользу переработки текста самим Татищевым, а не заимствования из источников, нам неизвестных. В рассуждениях иногда появляются фразы, которые выдают в сочинителе их не летописца, а ученого XVIII в. Это видно из речи Игоря по поводу затмения, которая переделана у Татищева по сравнению с летописью. Описание затмения лишается пророческого смысла, смысла грозного предзнаменования, ему находится естественнонаучное объяснение. На замечание вельмож, испугавшихся солнечного затмения: «Сие знамение не на добро есть», Игорь отвечает: «Знамения такие многократно никоего зла не приносят. И кто ведает, для нас ли или других кого сие, понеже оно видимо есть во всех землях и странах».

Итак, идеализируя русских князей, влагая в их уста мудрые пространные рассуждения, Татищев обнаруживает свой идеал правителя. Другими словами, морально-учительные вставки играли роль притч, в которых проводилась философская теория историка.

Назначение другой группы дополнений, имеющих во II редакции, — мотивировать, или, по выражению Татищева, «изъяснить» тот или иной поступок.³¹ Так, например, текст, не очень понятный в летописи: «И тако идяхуть тихо, собираючи дружину свою, бяхуть бо и у нихъ кони велми тучни», — Татищев пробует осмыслить, и медленное продвижение по степи русского войска он объясняет тем, что Игорь берег коней, «чтоб не зделать оных без ног». Некоторые «изъяснения» курьезны. В тексте «Истории» говорится, что Игорь, видя полк козубов, убегающий с поля брани, поскакал за ним, чтобы возвратить его и «скинул с себя для тягости шолом» (ср. И: Игорь «соимя шолом погънаше опять к полком того дея что быша познали князя». Е: Игорь «соимя шолом погна опят к полком»). Подобных примеров во II редакции много. Случаи комментирования летописного текста могли появиться только при желании, которое и было у Татищева, сделать рассказ возможно более доступным для читателей.

Во II редакции обнаруживается тенденция и к беллетризации повествования. Для этого привлекаются подробности романического, флигельного характера. Одна из таких: «тысяцкого сын, уведав от жены князя Туглая, с которою любовь имел, что половцы положили Игоря убить».

В рассказе появляются отдельные элементы, атрибуты сказки — пир, дары, мед: «Игорь учени пир, на котором приставников потчевал до-

³¹ Дополнительные примеры «рассуждений, долженствующих осветить ход событий и связать одни факты с другими» в «Истории Российской», отмечены также в статье А. А. Шахматова (К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева, стр. 83).